

САВИНОВ М.А.

Будни ясачного зимовья – русские и юкагиры на Алазее в 1670-х гг.

SAVINOV M.A.

The Russians and the Yukaghirs on Alaseya River in 1670's

Сведения об авторе:

Савинов Михаил Авенирович, кандидат истор. наук, ведущий научный сотрудник Музейно-выставочного центра технического и технологического освоения Арктики (Санкт-Петербург)
mikjalka@mail.ru

Author:

Savinov Mikhail Avenirovich, candidate of Historical Sciences, leading researcher of the Arctic Museum and Exhibition Center (St. Petersburg)
mikjalka@mail.ru

Аннотация

В статье на материале ряда документов фонда 160 (Якутская приказная изба) Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН рассматриваются различные аспекты жизни ясачного зимовья – низового звена русской администрации в Сибири второй половины XVII в.: задачи приказных людей и возможные причины их смены, экономика и логистика зимовья, отношения с ясачным населением. Пространственные рамки исследования включают местность, находившуюся под контролем Алазейского ясачного зимовья, а временные – вторую половину 1670-х гг. Основной вывод – в условиях колоссальной удалённости от центральной власти значительно возростала роль личных качеств и компетенций приказных людей в решении задач сбора ясака на местах.

Abstract

The article is devoted to daily life of a Russian winter camp (*zimovje*) as a part of administrative structure in the 17th North-Eastern Siberia. The economics, logistics and management practices are explored by the example of Alaseya Winter Camp. The

indigenous people of Alaseya River basin were Yukaghir nomad tribes and Russian-Yukaghir relations had some local features. The paper is based on Russian documents from Scientific Historical Archive of Saint Petersburg History Institute.

Ключевые слова:

ясак, юкагиры, колонизация Сибири, русско-юкагирские отношения, Алазея, фронтальные исследования.

Keywords:

the yasak, colonization of Siberia, Russian-Yukaghir relations, Alaseya River, frontier studies.

Настоящее исследование представляет собой попытку комплексной реконструкции деятельности низового звена русской администрации XVII в. на Крайнем Севере – ясачного зимовья. В фокусе нашего внимания будет жизнь конкретного, относительно небольшого региона – бассейна реки Алазеи, управлявшегося одноимённым зимовьем, основанным в 1642 г. Мы проанализируем административную деятельность и повседневную жизнь Алазейского зимовья на временном отрезке 1675–1679 гг. – в той мере, в какой это позволят наши источники – акты из ф. 160 (Якутская приказная изба) Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – НИИ СПб ИИ РАН).

Для изучения русских управленческих практик в Сибири XVII в. данные место и время представляют, на наш взгляд, определённый интерес по следующей причине – здесь мы можем в пределах относительно короткого временного промежутка сравнить деятельность условно «успешного» и условно «неуспешного» русского администратора. В роли первого выступит Никита Родионов Тютин, в роли второго – Пётр Аксентьев.

Комплекс документов, анализ которых лежит в основе нашего исследования, типичен для ясачных зимовий северо-востока Сибири и включает следующие группы актов: наказные памяти якутских воевод приказным людям Алазейского зимовья; отписки приказных людей в Якутск; челобитные алазейских промышленных людей и ясачных юкагиров. Среди отписок из зимовья в Якутск особое место занимают акты, связанные с передачей зимовья от одного приказного человека к другому – они содержат описания имущества, важные для описания материально-технической базы зимовья.

Алазейские акты 1670-х гг. из собрания НИА СПб ИИ РАН¹ входили во все подборки изданных документов ф. 160, при этом в каждом случае они отбирались по разным принципам. Первая публикация состоялась в 1859 г., когда в «Дополнениях к актам историческим» была издана отписка о передаче Алазейского зимовья Никитой Тютиным Петру Аксентьеву 12 октября 1677 г.² Отдельные отписки и челобитные 1670-х гг. были изданы в 1936 г. в составе сборника «Колониальная политика Московского государства в Якутии»³. Наконец, один из документов (отписка Ефрема Мосеева, относящаяся к 1668 г.) был издан исследователем истории освоения Северного морского пути М.И. Беловым в 1952 г. в составе сборника «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах»⁴. Ряд документов, привлечённых в нашем исследовании, не издавался никогда.

Алазейское зимовье и его округа как административная единица. Алазейское ясачное зимовье было основано отрядом казаков во главе с Дмитрием Ярилой Зыряном в 1642 г.⁵ Точное его местоположение неизвестно (кроме того, в первые десятилетия оно переносилось с места на место). «В районе алазейской лесотундры», – так определяет расположение зимовья М.И. Белов⁶. К середине 1670-х гг. период «объясачивания» местных юкагирских племён, сопровождавшийся в т.ч. и вооружёнными выступлениями аборигенов (восстание Коллы и Тойты в 1650 г.⁷), остался в прошлом. Алазейское зимовье давно было встроено в общую административно-логистическую систему Якутского уезда, превратившись в один из постоянных центров власти и торговли. Юкагиры Алазеи в этот период большей частью были лояльны русским властям, но от группы

¹ Фонд Якутской приказной избы исторически оказался разделённым на две части – одна хранится в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА) (ф. 1177), другая – в НИА СПб ИИ РАН (ф. 160). Документы обоих фондов неоднократно издавались как до революции, так и в советское время. Подробнее см.: Костанов А.И. Документальная история Сибири XVII – середина XIX вв. Владивосток, 2007. С. 84–85; Иванов В.Н. Вхождение северо-востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 6–7.

² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1859. Т. VII. № 57. С. 274–275 (далее – ДАИ № 57).

³ Колониальная политика Московского государства в Якутии / Сборник документов под общей редакцией Я.П. Алькора и Б.Д. Грекова. Л., 1936. №№ 56, 190, 193 (далее – КПМГЯ).

⁴ Белов М.И. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сборник документов о великих русских географических открытиях на Северо-Востоке Азии в XVII веке. М., Л., 1952. № 119. [Электронный ресурс] URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/02_30_13.html (дата обращения: 14.03.2020).

⁵ Иванов В.Н. Указ. соч. С. 102.

⁶ Белов М.И. Указ соч. Приложение 1. Списки якутских воевод и приказчиков зимовий на северо-востоке Сибири. [Электронный ресурс] URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/02_30_15.html (дата обращения: 14.03.2020).

⁷ Иванов В.Н. Указ. соч. С. 123.

тундровых чукчей, обитавших в XVII в. западнее устья Колымы, исходила постоянная угроза, с которой русские вынуждены были считаться.

Север и северо-восток Якутского уезда (его собственно «арктическая» часть) находились вне системы волостей, сложившейся ещё в 1630-х гг. и тяготевшей непосредственно к Якутскому острогу. Поступавший с Крайнего Севера ясак обозначался в соответствующей документации так: «с дальних заморских рек»¹. Этот термин очень точно отражает и логистику (основное сообщение с зимовьями на реках происходило по морю, т.е. по отношению к центральной власти в Якутском остроге они находились «за морем»), и само понимание географического пространства якутского Севера – река осознавалась как структурная единица этого пространства. В этом смысле можно говорить об Алазее, как об отдельной административно-территориальной ячейке в системе Якутского уезда (на более крупных реках – Яне, Индигирке, Колыме – таких ячеек, центрами которых выступали зимовья, было по две-три).

Этническая, социальная и пространственная структура этой ячейки выстраивалась следующим образом. В центре оказывалось зимовье и его коллектив – отряд казаков (7–8 чел.) во главе с приказным. По обширной местности вокруг зимовья кочевало ясачное население (в нашем случае это тундровые юкагиры-алаи²), предводители которого (в русских документах это «князцы» или «лучшие люди», причём оба термина могли применяться к одним и тем же персонам) обязаны были в определённое время являться в зимовье с ясаком, который рассчитывался по числу взрослых домохозяев. Общее число алазейских юкагиров крупнейший исследователь родового и племенного состава народов Сибири XVII в. Б.О. Долгих приблизительно определяет в 580 чел. (для 1650-х гг.)³.

Кроме служилых людей зимовья и местных жителей, на «подведомственной» территории обитало также некоторое количество русских промысловиков («промышленных людей»), которые постоянно жили в своих зимовьях, а к приказному навещались один раз в год («живём по своим зимовьям от ясашного далеку, а бываем в ясашное однажды годом»⁴). Наконец, на Алазее регулярно бывали торговые люди, занимавшиеся скупкой мехов у ясачных юкагиров и промышленников, эти же купцы

¹ Материалы по истории Якутии XVII века. Новосибирск, 1970. Т. III. Сметные списки ясачного сбора. № 42.

² О наименовании алазейских юкагиров см. напр.: Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 409. Термин «алаи» зафиксирован В.И. Иохельсоном.

³ Долгих Б.О. Указ. соч. С. 408.

⁴ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 621. Сстав (далее – Сст.) 14.

доставляли хлебные припасы и, насколько можно судить, целый ряд других необходимых вещей.

Всё это население бассейна Алазеи контролировала центральная фигура низового звена русской администрации в Сибири – «приказный человек», или просто «приказный» (в ряде исследований можно увидеть смешение терминов «приказный» и «приказчик»¹, но последний относится к сфере торговли и не применяется в аутентичных документах по отношению к начальникам зимовий). Другим представителем власти на Алазее был таможенный целовальник, ведавший сбором пошлин с торговых людей.

На зимовье постоянно находились документы и велось делопроизводство, для чего требовалась бумага. Здесь хранились приправочные книги (списки плательщиков), по которым принимался ясак с юкагиров, а также наказные памяти – воеводские инструкции, с которыми новые приказные выезжали к месту службы. Зачастую такая память содержала указание о расследовании каких-либо злоупотреблений предшественника, на которого поступила жалоба в Якутск. Авторами жалобы могли выступать как русские промышленники, так и «ясачные иноземцы», в нашем случае – юкагиры. Речи юкагиров записывались по установленной форме, в качестве толмачей-переводчиков могли выступать как русские служилые, так и юкагиры, как мужчины, так и женщины: в одном из документов указано: «А у толмачества была <...> жена Татьяна»² (крещёная юкагирка?).

Ротация приказных и служилых людей Алазейского зимовья. Срок службы («перемена») приказного человека на зимовье обычно составлял два года («двоегодицу»). При том или ином стечении обстоятельств он мог быть оставлен на следующий срок или снят раньше окончания срока. На Алазее в 1670-х гг. мы можем наблюдать именно такой случай.

Казачий десятник Никита (Микита) Родионов Тютин впервые был назначен в Алазейское зимовье летом 1674 г. воеводой Яковом Волконским³. Сменив предыдущего приказного Ивана Потапова, он служил на Алазее до октября 1677 г. – его срок службы на зимовье был продлён

¹ Эта тенденция смешения терминов идёт, по меньшей мере, со времён М.И. Белова: Белов М.И. Указ. соч. [Электронный ресурс] URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/02_30_15.html (дата обращения: 14.03.2020). См. также напр.: Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII–XVIII вв. Новосибирск, 2002. С. 203, 214–215 и др.; Он же. Присоединение крайнего северо-востока Сибири к России: военно-политический аспект. Вторая половина XVII–XVIII век. Автореф. докт. ист. наук. Томск, 2005. С. 10, 19; Ерохина Е.А., Люцидарская А.А., Березиков Н.А. Административное регулирование и самоорганизация как факторы стабилизации сибирского социума в XVII в.: этносоциальные аспекты // Идеи и идеалы. 2017. № 2 (32). Т. 2. С. 47.

² НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 714. Сст. 15.

³ Там же. Д. 651. Сст. 19.

новым воеводой Андреем Барнешлевым по челобитию ясачных юкагиров Алазеи, поданному в конце 1675 г.¹ Однако в октябре приказный был смёнён, причём направленный ему «на перемену» пятидесятник Пётр Аксентьев получил указания расследовать причины недобора ясака на Алазее в период службы Тютинна, а самого Никиту прислать в Якутский острог². Передача зимовья состоялась 12 октября 1677 г.³, а уже в марте 1678 г. новый приказный передал зимовье одному из своих казаков, Осипу Михайлову Ярославцу. Причина такой быстрой смены не до конца понятна. Пётр, находясь на зимовье, злоупотреблял своим положением и мучил ясачных людей, о чём сохранились две челобитные юкагиров⁴, но эти жалобы едва ли могли так быстро дойти в Якутск и вызвать ответную реакцию – смену приказного. Как бы там ни было, на зимовье остался Осип Ярославец, который, в свою очередь, в 1679 г. сдал зимовье Никите Тютину, возвращённому на должность алазейского приказного. Отписка Никиты Тютинна о передаче зимовья датирована 30 мая 1679 г., но сам факт передачи произошёл раньше⁵.

Последовательность ротации приказных в соотношении с нахождением в должности якутских воевод показана в таблице 1 (в таблицах М.И. Белова алазейские приказные 1670-х гг. не расписаны⁶).

Насколько можно видеть, ротация приказных была связана с двумя факторами – установленным сроком службы и реальными результатами

Таблица 1. Хронологическое соотношение сроков нахождения в должности якутских воевод и алазейских приказных людей во второй половине 1670-х гг.

Якутские воеводы	Алазейские приказные
А.А. Барнешлев (22 августа 1675 г. – 11 апреля 1678 г.)	Никита Родионов Тютин (лето 1674 – 12 октября 1677)
	Пётр Аксентьев (12 октября 1677 – 25 марта 1678)
	Осип Михайлов Ярославец (25 марта 1678 – 1679 (?))
Ф.И. Бибииков (1678 г. – 6 марта 1680 г.)	Никита Родионов Тютин (не позднее 30 мая 1679)

¹ Там же. Ст. 23.

² Там же. Д. 700. Ст. 27–28.

³ ДАИ. Т. VII. № 57.

⁴ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 711. Ст. 27–29; КМПЯ. № 190. С. 238–239.

⁵ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 714. Ст. 12.

⁶ Белов М.И. Указ соч. Приложение 1. Списки якутских воевод и приказчиков зимовий на северо-востоке Сибири. [Электронный ресурс] URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/02_30_15.html (дата обращения: 14.03.2020).

службы, которые в значительной мере определялись челобитными ясачных людей. Значительно дольше, без строго установленной нормы, на зимовье находились рядовые казаки. Так, Василий (Васка) Гаврилов, впервые появляющийся в документах времён приказного Якова Никитина (1673–1674 г.)¹, оставался на зимовье и при вторичном приёме его Никитой Тютиним в 1679 г.², столько же времени служил на Алазее Евдоким Иванов. В отписке от 30 мая 1679 г. Никита Тютин прямо указывал о продолжительном сроке службы алазейских служилых: «... а на Алазее у нас казаки служат великому государю многие годы...»³

Общее число единовременно находившихся на зимовье казаков составляло, по данным передаточных отписок, 7–8 человек. Для эффективного контроля ясачных и безопасной пересылки ясака этого было совершенно недостаточно (конкретные ситуации разбираются ниже). Ротация служилых людей происходила, как правило, через Якутск: туда отправлялись алазейские казаки с ясаком, обратно приходили казаки, вновь назначенные на службу в зимовье. Насколько можно судить по документам, все эти перемещения алазейских служилых в 1670-е гг. происходили сухим путём в зимнее время. Были случаи своеобразного дезертирства – при первом приёме зимовья Никита Тютин должен был забрать с Индигирки на Алазею двух казаков, ранее назначенных к приказному Ивану Потапову, но не дошедших до Алазейского зимовья и живших «за Шиверами»⁴. Некоторые казаки, например, Лука Владимиров (о нём ещё будет речь ниже), отправленные в Якутск, затем вновь оказывались на Алазее.

Любопытен случай, имевший место при первом вступлении Никиты Тютинина в должность приказного Алазейского зимовья. Промышленник Алексей Сергеев Усолец, направлявшийся в ноябре 1674 г. с Колымы на Индигирку, обвинил другого промышленника, уже упоминавшегося нами Василия Гаврилова Протождьяконова Устюжанина (он был дьячком алазейской Никольской часовни, в которой Усолец остановился на ночлег), в краже у него 26 соболей, однако приказный не выслал того в Якутск для разбирательства, объяснив это следующим образом: «...и яз, Никитка, по той челобитной ево, Васку, не выслал потому, что у государева дела без него делать некому, грамотных людей нет» (по этой же причине отсутствия грамотных людей Усолец бил челом Никите Тютину на воровство Василия Гаврилова «словесно») ⁵. В дальнейшем Василий Гаврилов

¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 621. Сст. 14.

² Там же. Д. 714. Сст. 12.

³ Там же. Д. 714. Сст. 13.

⁴ Там же. Д. 642. Сст. 19.

⁵ Там же. Д. 651. Сст. 19.

проходил по алазейским актам уже как служилый человек зимовья и нёс службу, по крайней мере, до 1679 г.

Экономика и логистика ясачного зимовья. Документы ф. 160 дают определённые возможности для реконструкции экономических и логистических особенностей жизни Алазейского зимовья. Здесь, прежде всего, следует выделить акты, связанные с передачей зимовья от одного приказного к другому, и те из отписок, которые рисуют различные ситуации, связанные с перевозкой ясака или перемещениями торговых и служилых людей.

На основе этих документов можно сделать и некоторые выводы о самом зимовье, как комплексе построек. Как известно, уже в момент основания в 1642 г. Дмитрием Зыряном зимовье получило укрепление – «острожек»¹, которое сохранялось и при дальнейших переносах зимовья. В передаточных документах 1670-х гг. это укрепление также упоминается: Никита Тютин в 1674 г. принял у Ивана Потапова «острог и острожные ключи, и ясашное зимовье и аманатов». При следующей передаче – от Осипа Ярославца Никите Тютину – упоминаются только амбар и аманатская казёнка². Таким образом, Алазейское зимовье можно зрительно представить себе в виде маленькой группы рубленых жилых (избы для приказного и казаков, аманатская казёнка) и складских («государев казенной амбар») построек, обнесённых частоколом (возможно, с угловыми башнями). Где-то рядом находилась также Никольская часовня. То, что она располагалась вне зимовья, подтверждается следующим показанием документа: отрицая обвинение Алексея Усольца в краже соболей, Василий Гаврилов сам упрекнул промышленника в том, что тот, придя на Алазею, не явился с докладом и проезжей грамотой к приказному – «жил в часовне дни с три, а в ясашное не объявлялся»³.

Как показано в таблице 2, основу собственно имущества зимовья по передаточным документам составляют орудия рыболовства (неводные сети, мережи, «прядено неводное» (нить для сетей), пешни) и судоремонтные инструменты («кочевое» сверло и напарьи – ручные свёрла). Единственным средством транспорта, постоянно находившемся «на балансе» Алазейского зимовья, был карбас: в одной отписке он обозначен как «карбас неводной», в другой – как «карбас шытик» (что указывает на характерную технологию его постройки). Кроме того, среди имущества фигурирует кочевая шейма – якорный канат, при этом она по всем отпискам Никиты Тютина определяется как «старая в обрывках».

¹ Иванов В.Н. Указ. соч. С. 102.

² НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 714. Ст. 12.

³ Там же. Д. 651. Ст. 41.

Плачевное состояние шеймы можно объяснить по данным одного из более ранних алазейских дел, связанных с деятельностью непосредственного предшественника Никиты Тютютина – приказного Ивана Потапова. Потапов начал свою службу на Алазее с разбора проступков прежнего приказного Якова Никитина, который (помимо недоказанной обиды, нанесённой одному из русских промышленников) обвинялся в порче казённой шеймы – он, по показаниям казаков зимовья, рубил её тайком для собственных нужд – на тетивы для своих сетей-«пушальниц». Это любопытное свидетельство показывает, что глава зимовья мог иметь какие-то частные рыбные промыслы, не связанные с прокормлением аманатов или служилых людей. В чём конкретно заключалась в таких случаях

Таблица 2. Имущество и товары Алазейского зимовья по передаточным документам ф. 160 архива СПб ИИ РАН

		При передаче Никите Тютюину осенью 1674 г. ¹	При передаче Петру Аксентьеву 12 октября 1677 г. ²	При передаче Никите Тютюину 30 мая 1679 г. ³
Государевы товары	Медь в котлах	35 фунтов	24 фунта	24 фунта
	Аманатский котел	1		
	Одекуй (бусы и бисер)	3 фунта	8 фунтов	15 фунтов
	Олово		10 фунтов	3 прута весом полпята фунта
Имущество	Карбас	1	1	1
	Шейма (якорный трос)	Старая, обрывки в трёх концах	23 сажени (старые в обрывках)	18 сажен (старые в обрывках)
	Сверло кочевое	1	1	1
	Напары		3	3
	Прядено неводное	6 фунтов в мотушках	9 фунтов	28 фунтов
	Сети неводные		34 ¼ сажени	25 сажен
	Сети мережные	48 сажен		
	Мережи	2 старые, 1 новая	4 держаные, 5-я новая	
	Пешни	3	3, 4-я ломаная	3, 4-я ломаная
	Порох	3 фунта	3 ¼ фунта	3 фунта («пищального с ящичком»)
	Безмен	1	1	
Бумага	20 листов	2 дести		

¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 651. Стр. 18.

² ДАИ. Т. VII. № 57.

³ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 714. Стр. 12.

выгода приказного, не вполне ясно – рыба по ценности и продаваемости была несопоставима с мехами, которые, действительно, часто становились предметом вымогательства и утайки.

Из конкретных видов рыбы в одном из документов отмечен налим. Ловля налима происходила, очевидно, зимой – с помощью упоминавшихся выше подлёдных сетей-«пушальниц». Прочая рыба, выловленная в тёплое время года, заготавливалась в виде юколы (т.е. вялилась). В двух более ранних передаточных отписках есть упоминание «корму аманатского юколы», запас которой на 1674 г. определялся в 8 пудов (отметим, что в этой же отписке, составленной при первом вступлении Никиты Тютина в должность алазейского приказного, упоминается также «сырой корм» в количестве 100 рыб)¹. Здесь юкола указана как специфическое продовольствие именно для содержащихся в зимовье аманатов-юкагиров. Менее очевидны особенности питания русских обитателей Алазеи, но ясно, что именно для них предназначался основной товар торговых людей, посещавших зимовье – «хлебные припасы», доставлявшиеся (по крайней мере до 1670-х гг.) морем на кочах.

Здесь уместно перейти к описанию логистических особенностей жизни зимовья. В «арктической» части Якутского уезда сухопутные и морские перевозки были ориентированы как в широтном направлении (вдоль берега океана между устьями рек и между отдельными зимовьями по водоразделам), так и в меридиональном (маршруты по главным рекам края – Яне, Индигирке, Алазее и Кольме). Зимовья были связаны между собой системой зимних путей, движение по которым осуществлялось на нартах. Этими маршрутами передвигались как торговые, так и при необходимости служилые люди. В то же время для доставки крупных партий товара, а также перевозки ясака старались использовать морской транспорт – кочи. Мы уже знаем, что в имуществе Алазейского зимовья были инструменты для судоремонта (кочевое сверло и т.п.). Сами кочи могли быть собственностью как властей («государевы кочи»), так и торговых людей, встречаются и случаи совместного владения.

---

¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 651. Ст. 18. Отметим, что уже на самом раннем этапе освоения севера Якутии «рыбность» рек мыслилась как основной ресурс, дающий возможность содержать и русских людей, и аманатов. Ср. противопоставление «безрыбной» Яны и «рыбной» Индигирки в отписке воевод Петра Головина и Матвея Глебова в 1640 г.: «А аманатов де, государь, на Янге держать не смей для того, что кормить нечем, река безрыбна <...> и Индигерская река рыбна. Будет де, государь, впредь на Индигерской реке, в Юкагирской землице сто человек служивых людей, и тем де людем мошно сытым быть рыбою и зверем без хлеба». Белов М.И. Указ. соч. [Электронный ресурс] URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/02_30_3.html (дата обращения: 14.03.2020).

В документах второй половины 1670-х гг. кочи на Алазее не упоминаются, но ещё в конце 1660-х гг. торговые люди совершали на Алазею рейсы на этих судах, доставляя хлеб для промышленников. Однако именно к этому времени относится упадок и судоходства, и связанной с ним торговли (возможно, это было связано с тяжёлой ледовой обстановкой). Алазейский таможенный целовальник доносил в Якутск о причинах таможенного недобора, который «учинился потому, что на Алазею кочи с хлебными запасами не приходят, и промышленных людей за хлебными запасами ходит меньше прежних годов...»¹

К этому же времени, точнее – к 1668 г., относится другой документ, связанный с заходами кочей на Алазею. Служилый человек Ефрем Мосеев отправился с алазейским ясаком в Якутск на коче торгового человека Ивана Записина. Не дойдя до устья Яны, коч Записина был зажат льдом и вовлечён в дрейф: «и тот коч судом Божиим недошед Яны реки в лед задавило»². Ефрем с грузом пушнины перешёл на казённый коч служилого человека Семёна Сорокоумова, который в предыдущую навигацию оказался в полностью аналогичной ситуации, пытаясь доставить ясак с Колымы³. На коче Сорокоумова Мосеев достиг устья Яны, но дальше продолжать путь морем не решился – «государев коч» был «весь розен», т. е. протекал.

Другие перемещения промышленных и служилых людей осуществлялись по суше. Здесь необходимо отметить, что показания ряда документов дают основания предполагать, что служилые люди и промышленники могли совершать дальние и опасные путешествия в одиночку (вероятно, используя нарты). Таков, например, переход Алексея Усольца с Колымы на Индигирку в ноябре 1674 г. (о его неудачной остановке в Алазейском зимовье см. выше). Алазея в этом случае оказывалась на транзитном пути между зимовьями Колымы и Индигирки.

Важно отметить, что все перемещения между северными зимовьями и Якутском могли занимать не один год (например, при повторяющихся ледовых авариях кочей). Сухопутные походы были более

¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 466. Стр. 30.

² Там же. Д. 531. Стр. 45; Белов М.И. Указ. соч. № 119. [Электронный ресурс] URL: https://www.booksite.ru/fulltext/russ_america/02_30_13.html (дата обращения: 14.03.2020).

³ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. М., 1951. № 129. С. 341–342. По сообщению самого Семёна Сорокоумова, его коч был зажат льдами недалеко от устья Индигирки. Бросив 11 сентября судно после шестинедельного дрейфа (экипаж добирался до берега на нартах по льду), Сорокоумов оставил ясак на зиму в Мошенниковом зимовье, рассчитывая следующим летом продолжить путь в Якутск на подходящем коче торговых людей, взятом «под казну великих государей». Вероятно, именно об этом коче и идёт речь в отписке Мосеева.

быстрыми, но и более опасными – в отписках приказных людей сохранилось немало упоминаний «немирных иноземцев», которые побивали на водоразделах и русских служилых, и союзных ясачных аборигенов. Но, несмотря на географические и военно-политические препятствия, применительно ко второй половине XVII в. мы можем говорить о выстроенной и работоспособной системе переходов и контроля перемещений русских людей в рамках системы зимовий и острогов.

Военное дело. Насколько можно судить, служилые и промышленные люди Алазеи в этот период использовали только личное оружие (как и подавляющее большинство землепроходцев, «поднимавшихся» на государеву службу за свой счёт). Это подтверждается тем, что среди казённого имущества Алазейского зимовья оружие отсутствует. Из всего имущественного комплекса зимовья к военному делу имеет отношение только запас пороха, который по всем передаточным отпискам не превышает трёх с четвертью фунтов. Эта цифра хорошо соотносится с данными, которые приводит для северо-восточных (колымских) зимовий исследователь военного дела русских на Дальнем Востоке в XVII в. Е.А. Багрин¹. «И у них пороху и свинцу нет...» – писал в 1679 г. Никита Тютин, отмечая долгую службу алазейских казаков².

Хотя самому Алазейскому зимовью никто в эти годы не угрожал, Никита Тютин, как мы видели, требовал увеличить число служилых людей. Усиление зимовья якутский воевода Фома Бибииков предполагал произвести за счёт зашиверских казаков с Индигирки. Однако вместо трёх человек приказный Зашиверского зимовья Леонтий Трифанов прислал на Алазею только двух, «а третьего за баловством не послал», – писал Никита Тютин в своей отписке от 30 мая 1679 г.³ Но «баловство» Леонтия Трифанова имело вполне объективные причины – именно в это время ситуация на Индигирке осложнилась, здесь начались волнения ясачных людей, причём основная угроза исходила не от юкагиров, а от ламутов (эвенов). В отписке от 17 апреля 1679 г. Леонтий писал Фоме Бибиикову: «И те, государь, ламуцкие мужики изменники прикочевали и живут около Зашиверского острошку <...> и я, Левка, живу в осаде с велик[им] береженьем...»⁴ По этой же причине Никита Тютин не решился отправлять собранный ясак на Индигирку сухим путём: «...стоят де ламуцкие люди на переходе на дороге и хотят де

¹ Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в. Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб., 2013. С. 103.

² НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 714. Ст. 13.

³ Там же.

⁴ КПМГЯ. № 191. С. 239.

русских людей побивать»¹. Полноценных военных миссий казаки Алазеи во второй половине 1670-х гг. не осуществляли, за исключением попытки казака Луки Владимировича вернуть беглых «улусных людей» одного из юкагирских князцов (см. ниже).

Ясачные отношения. Главное содержание деятельности приказного человека в зимовьях Крайнего Северо-Востока – организация сбора ясака с «ясачных иноземцев» и, соответственно, контроль аборигенного населения в той мере, в какой это было необходимо для обеспечения ясака. Именно в этой области проходила грань условного успеха или неуспеха русских управленцев.

Юкагиры-алаи подразделялись на несколько родов, называвшихся по именам своих предводителей – роды Калвин, Манзитин, Тантапоин, Чебукин, Ниничи шамана и др.². Эта структура позволяла русской администрации вести учёт домохозяев и начисление ясака. К середине 1670-х гг. во главе большинства родов стояли не те предводители, по которым роды получили свои названия, а их младшие родственники – сыновья или племянники. Все они в большей или меньшей степени отразились в русских документах в качестве челобитчиков.

Туземные челобитные (хотя они публиковались и изучались с XIX в., немалая их часть продолжает пока оставаться вне поля зрения исследователей) – важнейший источник не только для реконструкции различных аспектов ясачных отношений, но и для изучения народов Сибири и Севера в целом. Необходимо учитывать, что они доносят до нас «этнографическую реальность» XVII в. опосредованно: она, с одной стороны, оказывается втиснутой в установленный формуляр русского документа, с другой – фильтруется, т.к. в челобитные попадает только определённый набор ситуаций. Тем не менее, именно челобитные и ясачные книги сохранили для нас сведения о племенном составе, хозяйстве и расселении народов Сибири XVII в., именно благодаря им зафиксирован интереснейший пласт туземной культуры – личные знаки-тамги, которые в русских документах обычно именуется «знамёнами» или «пятнами» (рис. 1). В плане же организации управленческих практик туземные челобитные (как видно по ротации алазейских приказных) представляли собой не формальность, а вполне эффективный для условий своего времени и места правовой механизм.

¹ КППМГЯ. № 193. С. 241.

² Родовой состав юкагиров Алазеи подробно проанализирован Б.О. Долгих на материале документов РГАДА: Долгих Б.О. Указ. соч. С. 405–409.

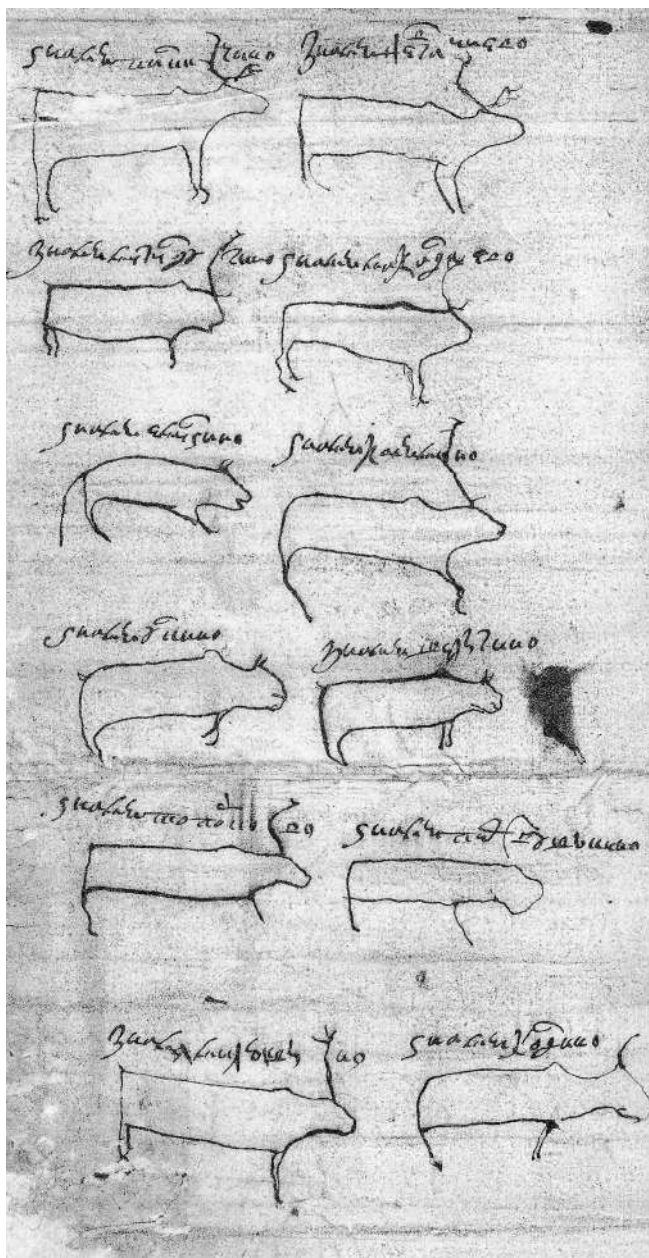

Рис. 1. Знамёна алазейских юкагиров на челобитной 1679 г.¹

¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 714. Ст. 21 об.

Практика аманатства, типичная для русской администрации в Сибири и на Дальнем Востоке, в случае юкагиров, по-видимому, работала (в отличие от чукчей, которые не давали ясак даже под своих родственников). В Алазейском зимовье постоянно присутствовали в качестве аманатов представители нескольких юкагирских родов. В 1679 г. Никита Тютин при сдаче зимовья Осипом Ярославцем зафиксировал четырёх человек: «Каллина роду Ягынин сын Чанодня (описка, правильно – Чандоня. – М.С.), Манзитина роду Кашелин сын Сеута, Ничина (Ниничи шамана. – М.С.) роду Калямин сын Егопу, Тантапонина роду Ункин сын Шула»¹, тот же состав аманатов указан и при передаче зимовья от самого Никиты Петру Аксентьеву².

Другой общепринятой практикой ясачных отношений, которую мы можем наблюдать на Алазее, была раздача подарков ясачным людям после уплаты ясака. Для народов севера Сибири, в нашем случае – для юкагиров-алаев, эти неравнозначные (с русской точки зрения) подарки вполне укладывались в архаическую модель отношений дарообмена³. Существовало определённое понятие о том, чем именно следует отдаваться за ясак: сохранилась более ранняя челобитная алазейцев с жалобой на приказного Герасима Цыпандина (1668 г.), который, вымогая у юкагиров соболей, давал за них мороженую рыбу, которая, конечно, никак не соответствовала представлениям юкагиров об адекватном даре. Сам Цыпандин в расспросе показал, что отдавался рыбой потому, что у него просто не было в наличии железных изделий⁴.

Никита Родионов Тютин, насколько можно судить по сохранившимся алазейским документам, к «подарочному» вопросу относился весьма добросовестно. В юкагирской челобитной 1675 г. при обосновании продления срока его службы «на приказе» в Алазейском зимовье помимо общих фраз вроде «а нам от него ни обиды, ни изгони нет» отмечается именно факт исправной раздачи подарков: «...он, Микита, твоим великого государя жалованием после ясаку подарки дает, каковы подарки посланы с ним, Микитою, из Якуцкого ост[р]огу»⁵. Что именно присылалось из Якутского острога в качестве даров, видно из состава «государевых

¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 714. Стр. 12.

² ДАИ. Т. VII. № 57.

³ Роль практик дарообмена в ясачных отношениях в последние годы привлекает внимание исследователей. Полемику по этому вопросу см. напр.: Конев А.Ю. Дар, дань и торговля: антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // Этнографическое обозрение. 2017. № 1. С. 43–56; Самигулов Г.Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369.

⁴ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 466. Стр. 31–32.

⁵ Там же. Д. 651. Л. 23.

товаров», зафиксированных при передаче зимовья: это медь красная и зелёная в котлах, олово и «одекуй» – крупный стеклянный бисер. Бросается в глаза значительный рост количества бисера в период между передачами – одекуй досылался в зимовье, но не доходил до юкагиров, и не потому, что его не выдавали приказные. Бусы не принимали сами юкагиры: в отписке 1679 г. Никита Тютин прямо указывал: «а одекую не емлют», при этом отмечая и те товары, которые пользовались спросом, но отсутствовали: пластины для доспехов («куяшные полицы») и котлы¹. Насколько можно проследить по документам, состав *подарков и товаров* (которые приказные иногда силой навязывали юкагирам²) был частично разным – в число товаров входили, например, стрелы, пальмы (наконечники копий) и топоры, которые никогда не упоминаются на Алазее в качестве подарков.

Никиту Тютина «на приказе» сменил пятидесятник Пётр Аксентьев. Перед ним была поставлена задача ликвидировать недобор ясака, который, насколько можно судить по данным специализированных исследований, действительно имел место. В 1673 г. со всех местных юкагиров при окладе в 420 соболей было собрано 369³, в 1678 при окладе в 341 собрано 302⁴ (точных данных за середину 1670-х гг. в литературе пока нет). Новый приказный попытался решить проблему вымогательством и, как мы уже знаем, был сменён после жалоб юкагиров, отразившихся в двух челобитных.

Эти челобитные имеют разный состав «подписантов» и несколько разное содержание – в одной юкагиры очень подробно жалуются на притеснения Петра Аксентьева, в другой акцент сделан на чукотский погром, случившийся на Алазее в середине 1670-х гг., при этом злоупотребления Аксентьева также упоминаются. Пётр обирал юкагиров, подвергая их в том числе заключению в колодки на морозе: «...он же, Пётр, нас и родников наших и улусных людей в казёнку садил, и в зимнюю порою в морозы на улице в колоду для своей бездельные корысти, и едва не умирали голодною смертию от Петровы обиды и налоги»⁵. «Корысть» приказного заключалась в следующем. Добытые у алазейцев с помощью такого вымогательства меха – волков и красных лисиц, а также продукцию оленеводства (ровдуги, постели, недоросты, готовые торбаса) Пётр не «верстал»

¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 714. Л. 13.

² Такие случаи известны, например, по колымским челобитным. См. напр.: КИМГЯ. № 53. С. 112.

³ Долгих. Б.О. Указ. соч. С. 380.

⁴ Материалы по истории Якутии XVII века. Т. III. Сметные списки ясачного сбора. № 42.

⁵ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 711. Ст. 29.

в ясак, а забирал себе. Формально приказный и не имел права учитывать в составе ясака волчьи и оленин шкуры, но юкагиры могли бы продать их на сторону – промышленникам или торговым людям. Именно таким был способ получения юкагирами собольих шкурок в условиях малой численности соболя на Алазее: «...мы что упромышляем <...> зверей диких оленей <...> и ровдуг и мясо оленьих продадим русским людям на соболя, и теми собольми тебе, великому государю ясак платим»¹. Из-за грабежа приказного человека эта система рухнула. Юкагирская челобитная содержала прямой запрос на смену Аксентьева, сопровождавшийся угрозой: «А буде будет он, Пётр, к нам в Алазейское зимовье приказным человеком, а мы, холопи твои, от ясачного зимовья и от своих жилищ откочуем в иные урочища»². Для сравнения – у колымских юкагириров в аналогичной челобитной встречается и другая формула: «...от такие великие изгони врозь не разбрестись и какова б дурна не учинить»³.

Содержание второй челобитной отражает другой важный аспект ясачных отношений – необходимость защиты «ясачных иноземцев» от внешней угрозы, которую на Алазее представляла местная группировка чукчей. Юкагиры жаловались на чукотский набег, сопровождавшийся убийством и угоном людей, а также захватом оленей, без которых не был возможен промысел пушного зверя для уплаты ясака. Упоминались и притеснения Аксентьева, в т.ч. и тот факт, что он требовал ясак за умерших плательщиков. Юкагирские предводители просили прислать из Якутского острога служилых людей «для оборони от немирных и неясачных людей чюкоч для нашей от низ обиды и для наших родников, что они чюкьчи наших сродич и улусных людей побили, и нам бы обида и убойс[т]во их отомстить»⁴. Ясачный же недобор, по утверждению челобитчиков, был связан с падением численности соболя: «А в нашей земле соболей промышлять негде, судом божьим соболя не стало...»⁵ (далее следовала уже известная нам реплика о покупке шкурок у русских).

Промысел пушного зверя ради шкурок вообще, по-видимому, не занимал в традиционном укладе алазейских юкагириров сколько-нибудь важного места, исторически они прекрасно обходились без этого – всё необходимое для одежды и пропитания им давал олень. Отписки Никиты Тютинина содержат интересные указания на необходимость понуждения алазейцев к выходу на промысел. Уже упоминавшийся нами запрос на увеличение числа казаков до 15 человек он объяснял так: «...потому

¹ КППМГЯ. № 190. С. 239.

² НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 711. Стр. 29.

³ КМПГЯ. № 52. С. 111.

⁴ Там же. № 190. С. 239.

⁵ Там же.

что иноземцы, видячи малолюдство, не слушают, иные мужики и на промыслы не ходят. И я, Микитка, приехав на Алазею, и их ясашных юкагирей осенью на соболиный промысел высылал, иные юкагири на промысел ходили, а иные и не ходили»¹. Сами юкагиры на его расспросы о причинах невыхода на промысел объясняли саботаж чукотским грабежом оленей (которые в данном случае выступали как средство производства).

Никита Тютин, сменивший вымогателя Аксентьева, во второй раз удостоился «похвальной» челобитной с просьбой оставить приказного на новый срок «потому что он, Никита, человек доброй и смирной, и твоим великого государя ясашным збором радеет, и нам, холопом твоим, от него, Никиты, никакие обиды, ни изгони, ни налоги нету»². Но в 1679 г. даже «добрый и смиренный» Тютин столкнулся с неуплатой ясака. Вагунвой, сын князца Калвы, пришёл в зимовье без своих «улусных людей», а на недоумение приказного пояснил: «...звал де я своих улусных людей со ясаком и к ясашному зимовью, и меня не слушают, а иные ушли убегом на Индигирку реку»³. В погоню за ослушниками Никита Тютин отправил служилого человека Луку Владимирову, однако тот не преуспел. Не сумев догнать беглых «улусных людей» Вагунвой, Лука доносил приказному: «И слышал я, Лучька от их, юкагирей, что думают дурно и говорят: хотя де за нами и будет служилой человек, нешто де доспеет над нами»⁴.

На наш взгляд, провал миссии Луки Владимирову очень хорошо соотносится с общим контекстом всей ситуации с контролем над ясачными юкагирами Алазеи: основной формой противодействия русским (подчеркнём, речь идёт только о конкретном регионе в определённый отрезок времени) было не вооружённое выступление, а откочёвка. Для контроля подвижного населения нужны были силы и средства, которыми зимовье не располагало. Сам Никита Тютин в своих отписках просил увеличить число казаков до 15 человек.

Отметим, что это неповиновение «улусных людей» происходило в значимом (об этом может говорить то обстоятельство, что именно этот род всегда упоминается в юкагирских челобитных первым) роде Калвы, который дополнительно контролировался с помощью аманатства – представитель этого рода, как мы видели, непрерывно находился в Алазейском зимовье. Но если Вагунвой по каким-то причинам⁵ не мог

¹ КМПГЯ. № 193. С. 242.

² НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 714. Ст. 23.

³ Там же. Ст. 19.

⁴ Там же. Ст. 20.

⁵ Проще всего это было бы объяснить близким родством Вагунвой с аманатом Чандоней Ягыниным сыном, но кем приходился Ягыня сыновьям и племянникам «князца» Калвы, мы не знаем.

позволить саботаж себе лично, то на «улусных людей» эти родственные связи не распространялись, чем и было вызвано неповиновение. Эта ситуация может, на наш взгляд, опосредованно показывать отношения внутри юкагирского общества тех лет, однако здесь необходимы дальнейшие разыскания.

Насколько можно судить по рассмотренным алазейским документам, «улусные люди» вносили обычно по три, реже по два соболя. Документы рисуют процедуру «списания» ясака в случае смерти плательщика. Сразу несколько таких эпизодов мы встречаем в конце 1679 г. Глава одного из родов, «князец» Чебука, в своей челобитной просил освободить его от уплаты ясака за двух умерших людей, после которых «ни живота ни оленей не осталось». Показания Чебуки должны были подтвердить другие родоначальники (сам Чебука в челобитной ходатайствовал о проведении такого опроса), что они и сделали: «И те алазейские князцы лутчие люди сказали по своей вере и по шерти про тех Чебукиных умерших двух человек: те де Чебукины впрямь померли, а живота у них ни оленей не осталось, а же[ниш]ка их и детишка скитаютца промеж юртам[и]¹». Другой эпизод связан с гибелью Синко, юкагира из Падитина рода (по Б.О. Долгих – род Онгаты Повитина). Синко, вносивший три соболя, «утонул на озере, промышлюючи олени» – скупая, но очень интересная, на наш взгляд, деталь! – и ещё до того лишился имущества после погрома чукчами (т.е. вносить всё равно было бы нечего). Гибель юкагира подтвердили его соплеменники из трёх разных родов: Первушка (Лямзямин род), Мугундуга (Манзитин) и Унка (Тантапонин)².

Таким образом, главным содержанием русского управления на Алазее в этот период был не контроль территории (земля как ценность могла иметь значение в центральноякутских волостях, но не в тундре), а контроль населения, вносившего ясак. Приказный человек находился в центре сложной системы горизонтальных (например, приказные других зимовий) и вертикальных (родовые предводители ясачных людей, подчинённые служилые, воеводская власть, промышленники) связей, сложившихся между различными группами русского и автохтонного населения. Не исключено и выстраивание упоминаемых А.С. Зуевым патрон-клиентских отношений между русскими администраторами и «лучшими людьми»³ (по крайней мере, в случае Никиты Тютина). Эта важность личных качеств и компетенций администраторов, позволявших

¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 714. Стр. 18.

² Там же. Стр. 19.

³ Зуев А.С. Механизмы адаптации сибирских народов к российской власти во время присоединения Сибири к России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8: История. С. 62–63.

формировать неформальные связи внутри локальных социумов на уровне горизонтальных взаимодействий, описана на «общесибирском» уровне в работе Е.А. Ерохиной, А.А. Люцидарской и Н.А. Березикова¹. Неумение администратора встроиться в этот хрупкий баланс, грубое вымогательство и притеснения ясачных людей могли привести к откочёвкам, вооружённым выступлениям и в любом случае к недобору ясака. Воеводская администрация, насколько можно судить по конкретному материалу Алазейского зимовья, эту личную роль приказных в местном социуме осознавала: об этом говорит как факт смены Петра Аксентьева и возврата Никиты Тютиня, хорошо знавшего местную ситуацию, так и продление службы на зимовье Никиты Тютиня (отметим, что оба действия центральной власти были инспирированы заявлениями ясачных юкагиров). В то же время Алазея, как и другие административные «округа», управляемые ясачными зимовьями, испытывала весь комплекс проблем, связанных с удалённостью от центральной власти и логистическими трудностями (большая протяжённость путей и нападения «немирных иноземцев» на суше и ледовая опасность на море), обусловленными специфическими условиями Крайнего Севера.

---

¹ Ерохина Е.А., Люцидарская А.А., Березиков Н.А. Указ. соч. С. 54–55.